

МИЛА ШЕЛЕСТ

ДОМ НА ГРАНИЦЕ СВЕТА

Книга четвертая из цикла «Твоя тень»

Современный любовный роман

Мила Шелест

Дом на границе света

<https://litres.ru/73595436>

SelfPub; 2026

Аннотация

«Ты не обязан быть идеальным. Ты обязан быть собой.

Особенно когда за твоей спиной — ребёнок, который учится дышать».

Прошло два года и три месяца с рождения Луны.

Tide & Stone стал не брендом, а движением.

Но когда глобальный инвестор предлагает выкупить 70% акций с условием: «Массовое производство. Никаких личных историй. Никаких “швов”», Алексей и Соня встают перед выбором: сохранить душу проекта или обеспечить будущее дочери.

Параллельно Марина и Данил сталкиваются с новым вызовом: в «Общем дыхании» появляется подросток, который отказывается говорить, рисовать, даже смотреть в глаза. Его зовут Лев, и он — сын Игоря Лебедева.

Лев не хочет мести. Он хочет исчезнуть.

Но когда Соня видит его руки — в синяках, но с тонким вкусом к ткани, — она узнаёт в нём себя: того, кто молчал, чтобы выжить.

Три линии переплетаются в одном пространстве — на берегу реки под Звенигородом, где теперь стоит новый дом: не из бетона, не из стекла, а из дерева, ткани и доверия.

Содержание

Глава 1. Первое «нет» Луны	5
Глава 2. Молчание с чужими глазами	15
Конец ознакомительного фрагмента.	21

Мила Шелест

Дом на границе света

Глава 1. Первое «нет» Луны

Утро началось не со звонка будильника, а с тишины.

Той самой, что бывает, когда всё ещё спит, но мир уже напряжён ожиданием — как тетива перед выстрелом.

Луна проснулась первая.

Ей было два года и три месяца. Она не говорила длинными фразами, но умела говорить глазами. И утром, когда Соня принесла ей комбинезон из новой коллекции — хлопковый, с вышитой волной у сердца, — она посмотрела на мать и сказала твёрдо:

— Это не моя.

Не «не хочу». Не «не нравится».

«Не моя».

Соня замерла. В руках — одежда, которую она шила ночами, пока Алексей спал. Каждый шов — молитва. Каждая вышивка — память. А теперь — отвержение.

— Почему, Лун? — спросила она, садясь на край кровати.

Девочка не ответила. Просто показала пальцем на шов у плеча — слишком ровный, слишком идеальный.

— Машина, — сказала она.

Она не умела читать лейблы. Но чувствовала — где живое, а где фальшивое.

Где любовь, а где расчёт.

В мастерской пахло не красками, а бумагой. Не тканью, а презентациями.

Бренд рос. Коллекции раскупали за час. Vogue писал: «Tide & Stone — не мода. Это манифест уязвимости».

Но за кулисами — всё иначе.

Алексей сидел за столом с тремя мониторами и кружкой остывшего кофе. На экране — презентация от Global Style Group:

«Мировая дистрибуция. Фабрики в Бангкоке. Цифровая трансформация. Уход от крафта».

График роста прибыли — вверх.

График ручной работы — вниз.

— Они хотят купить 70%, — сказал он, не поднимая глаз.

— С условием: никаких «швов». Только стандарт. Только масса.

Соня молчала. Подошла к мольберту. На нём — эскиз коллекции «Корни»: лён, берёзовый узор, вышивка бабушкиных оберегов.

Каждая вещь — с QR-кодом. Отсканируешь — услышишь голос, поющий карельскую колыбельную.

Это было не про продажи. Это было про память.

— Мы не можем отказаться, — сказал Алексей. — Они предлагают втрое больше оборота. Это безопасность. Для неё. — Он кивнул в сторону детской.

— А если безопасность — это новая тюрьма? — спросила Соня.

— Я не могу снова не защитить вас.

Он вспомнил отца. Слова, которые слышал с детства:

«Слабость — это когда ты не можешь обеспечить свою семью».

Он всю жизнь бежал от этого ярлыка.

А теперь, когда у него есть дочь, страх вернулся.

Не как тень. Как шторм.

Днём Луна снова отказалась одеваться.

Соня принесла ей простую футболку — белую, без логотипа, сшитую дома. Та самая, в которой они гуляли по парку, пили молоко из одной кружки, рисовали на асфальте мелом.

Луна надела. Улыбнулась.

— Моя, — сказала она.

Соня села на пол и прижала дочь к груди.

Не от обиды. От понимания.

— Она видит, — прошептала она позже Алексею. — Она чувствует, что мы теряем душу.

— Это не потеря, — ответил он. — Это адаптация.

— А если адаптация — это предательство?

Он не ответил. Просто пошёл в кабинет и перечитал письмо матери — то самое, где она писала: «Если однажды ты встретишь женщину, которая увидит твою доброту, — держись за неё. Она — твой дом».

Он держался.

Но теперь у него — не только жена. У него — ребёнок.

А для ребёнка он хотел не «души». Он хотел крыши над головой.

Вечером пришло письмо от Global Style Group.

Не в почте. В личном сообщении от CEO:

«У вас есть три дня. Либо вы с нами — и становитесь глобальными. Либо остаётесь нищими. В этом мире не бывает третьего пути».

Алексей не показал Соне.

Но она почувствовала.

Как чувствует вода — даже самую тихую трещину в бетоне.

Ночью она не спала.

Сидела у окна с блокнотом и смотрела на Луну, которая спала, прижав к щеке лоскут хлопка — тот самый, что Соня сшила в первую ночь после родов.

На ткани — не вышивка. Только отпечаток её пальца.

Она открыла старую тетрадь — ту, что вела в «Бетоне под кожей».

На последней странице:

«Я бы снова выбрала тебя. Даже если это разобьёт меня».

Теперь она писала новое:

«Могу ли я снова выбрать правду — даже если это разобьёт Луну?»

Утром Алексей проснулся раньше всех.

Сделал кофе — не в турке, а в кофемашине. Впервые за год.

Соня заметила. Не сказала. Просто поставила рядом чашку из старого фарфора — с трещиной, но с историей.

— Я думаю о предложении, — сказал он.

— Я знаю.

— Я боюсь, что если мы откажемся, у нас не хватит денег на школу. На врачей. На дом.

— А если мы согласимся — у Луны не будет дома. Не настоящего.

Он молчал. Потом тихо:

— А если я ошибаюсь?

— Тогда мы ошибёмся вместе. Но не поодиночке.

Они поехали в мастерскую.

Луна сидела на заднем сиденье с блокнотом в руках — не рисовала лица или дома, а швы. Тонкие, неровные, живые.

— Моя одежда, — сказала она, показывая.

В мастерской их ждала команда.

Не художники. Не портные.

Маркетологи. Из Global Style Group. Без приглашения. С ноутбуками и улыбками, за которыми — не лицо, а алгоритм.

— Мы хотим увидеть процесс, — сказала женщина в костюме. — Чтобы понять, как «очеловечить» ваш бренд для масс.

Соня не сказала «вон».

Она просто взяла Луну за руку и вышла.

— Куда? — спросил Алексей.

— Туда, где ещё не стёрли правду.

Она повела их к реке — той самой, у Звенигорода, где всё

началось.

Там, в старом деревянном сарае, она хранила запасы льна, прядённого вручную, и ткани, окрашенной корой дуба и луковой шелухой.

Там пахло не цифрами.

Пахло землёй. Временем. Верностью.

Луна побежала к берегу. Сняла обувь. Опустила ноги в воду.

— Вода видит, — сказала она.

Соня подошла к Алексею.

— Global Style Group не хочет Tide & Stone. Они хотят оболочку. Без души. Без швов. Без Луны.

— А если это единственный шанс дать ей будущее?

— Будущее — не в деньгах. Оно в том, чтобы знать: ты — не товар. Ты — человек.

Ночью он снова перечитал письмо матери.

Остановился на строке:

«Доброта — не слабость. Это смелость быть собой, даже когда мир требует маску».

Он вышел на террасу. Соня уже была там — с чашкой чая и взглядом, в котором не было обвинения. Только вопрос.

— Что, если я снова боюсь? — спросил он.

— Тогда скажи это. Не прячь за «ради неё». Скажи: «Мне страшно».

Он замер. Потом кивнул.

— Мне страшно. Что я не смогу дать ей всё. Что она будет стыдиться меня — как я стыдился отца.

— Она не унаследует твой страх. Она унаследует твою честность. Если ты её сохранишь.

Утром Луна снова отказалась надевать брендовую одежду.

Принесла свой лоскут и положила на стол Алексея.

— Сделай мне из этого, — сказала она.

Он взял ткань. Почувствовал — не хлопок.

Пульс.

— Это не моя, — повторила она. — Это — наша.

В тот же день пришёл Данил.

Без звонка. С чемоданом и фотоаппаратом.

— Марина прислала ткань из Карелии, — сказал он. — Из ручной пряжки. С семенами льна. Говорит: «Если продадите душу — не зовите».

Соня не плакала.

Просто обняла его.

— Мы не продаём, — сказала она.

— А Алексей?

— Он ещё решает.

Данил посмотрел на Алексея.

— Ты забыл, что спасение — не в деньгах. Оно в том, чтобы остаться собой.

Вечером Алексей не ушёл в кабинет.

Он сел на пол в детской. Луна спала, прижав к груди лоскут.

Он коснулся её щеки.

И впервые за два года подумал не как отец-защитник, а как человек:

«Что, если лучшее, что я могу дать ей, — это пример того, как оставаться собой, даже когда мир требует иначе?»

Ночью он написал письмо CEO Global Style Group.

Не длинное. Простое:

«Спасибо за предложение. Но Tide & Stone — не для масс.

Он для тех, кто боится быть собой.

И мы не станем машиной.

Даже ради безопасности».

Утром он положил письмо на стол Сони.

Она прочитала. Не сказала «спасибо».

Просто взяла его за руку и провела пальцем по запястью — там, где когда-то была волна из угля.

— Ты оставил шрам, — сказала она.

— Нет. Я оставил выбор.

Луна вошла в комнату босиком.

Подошла к ним. Взяла за руки обоих.

— Моя, — сказала она. — Оба.

И в этот момент Соня поняла:

Первое «нет» Луны — не каприз.

Это первое «да» миру, где можно быть собой.

Глава 2. Молчание с чужими глазами

Тишина пришла не с криком, а с взглядом.

Он стоял у входа в «Общее дыхание» — мальчик лет тринадцати, в потрёпанном пиджаке на два размера больше, с глазами, в которых не было ни гнева, ни страха. Только пустота. Как будто кто-то вынул оттуда душу и забыл вернуть.

Марина заметила его первой.

Она как раз развешивала новые занавески — не из шёлка, не из бархата, а из грубой мешковины, окрашенной в бледно-голубой. «Как небо над озером в Карелии», — сказала она, когда Соня спросила, зачем такая простота.

— Ты здесь впервые? — спросила Марина, подойдя ближе.

Мальчик не ответил. Просто кивнул. Руки держал в карманах, плечи — сведены, будто пытался стать меньше, незаметнее.

— У тебя есть имя?

Он помолчал. Потом кивнул снова.

— Хочешь войти?

Ещё кивок.

— Тогда иди. Здесь не спрашивают «можно». Здесь спрашивают: «Ты здесь?»

Он вошёл. Медленно, как будто боялся нарушить хрупкий баланс воздуха. Остановился посреди зала, оглядел стены: зеркала, ткани, эскизы, надписи углём. Всё — живое. Всё — дышало.

— Это Лев, — сказала социальный работник, появляясь на пороге. — Опекунство прекращено. Родители... исчезли. Отец — Игорь Лебедев.

Имя повисло в воздухе, как дым после выстрела.

Марина замерла.

Данил, стоявший у кофеварки, поставил кружку на стол так резко, что кофе брызнул на пол.

— Лебедев? — переспросил он. — Тот самый?

— Да. Но мальчик не при чём. Он... от другого брака. Мать умерла. Отец — в бегах. Суд лишил его прав.

Марина подошла к Льву. Опустилась на корточки, чтобы быть на одном уровне.

— Ты знаешь, кто он? — прошептала она.

Мальчик не ответил. Но в его глазах мелькнуло что-то —

не стыд. Боль.

— Он... не такой, как все думают.

— А какой?

Лев отвёл взгляд. Потом тихо, почти неслышно:

— Он не знал, как любить.

Марина не спросила больше. Просто встала и сказала:

— Оставайся. Сегодня, завтра — сколько нужно.

Ночью Данил не спал.

Он сидел у окна с камерой в руках и смотрел на лофт. В одном из окон мелькала тень — Лев ходил из угла в угол, как зверь в клетке. Не плакал. Не злился. Просто двигался — чтобы не застыть.

Данил не стал снимать. Не сейчас. Он знал: фотография — не ловушка. Она — приглашение. И если человек ещё не готов быть увиденным, то объектив только ранит.

Вместо этого он вышел. Тихо, чтобы не разбудить Марины. Поднялся на чердак — туда, где хранились старые архивы выставок. Раскрыл картонную коробку с пометкой: «Лебедев. Персональная, 2010».

В коробке были не только каталоги, но и его ранние работы. До того, как он стал арт-дилером, до того, как начал

продавать не искусство, а иллюзию.

Акварели. Угольные зарисовки. Портреты без лиц — только силуэты, тени, трещины на стенах.

И стиль...

Он узнал его сразу.

Те же чёткие линии. Та же боль в каждом штрихе. То же чувство, что рисунок — не украшение, а крик, загнанный внутрь.

Он вернулся в зал. Лев уже спал — на матрасе у стены, свернувшись калачиком, как будто боялся занять слишком много места в мире.

Данил присел рядом. Достал из кармана фонарик, включил его на секунду — только чтобы осветить пол у ног мальчика.

Там, на сырой штукатурке, был рисунок.

Уголь. Тёмный, почти чёрный.

Волна, разбивающаяся о бетонную стену. Но не как у Со-ни. У Льва волна была внутри стены. Как будто бетон про-глотил воду — и теперь задыхался.

Данил не тронул. Просто сел на корточки и смотрел.

И в этот момент понял: этот мальчик не враг. Он — тень того, кем мог стать Алексей, если бы не встретил Соню.

Утром Соня приехала без предупреждения.

Она чувствовала — не разумом, а кожей. Как будто вода в её венах вдруг изменила течение.

— Марина сказала, что он здесь, — сказала она, снимая куртку. — Что он сын Лебедева.

— Это не повод его наказывать, — ответила Марина, перемешивая овсянку.

— А Алексей?

— Он ещё не знает.

— Он взорвётся.

— Он должен увидеть. Не ребёнка-врага. А ребёнка-зеркало.

Соня прошла в зал. Лев сидел у стены, рисуя на листе бумаги — не карандашом, а пальцем, смоченным в воде. Рисунок таял, как слёзы.

Она не подошла. Просто села напротив, на расстоянии вытянутой руки. Вынула из сумки угольный карандаш и начала рисовать на полу — рядом, но не вторгаясь.

Волна. Та же самая. Но не разбивающаяся. Обтекающая.

Лев поднял глаза. Впервые — не в пол, не в стену, а на человека.

— Ты тоже знаешь, как это — быть внутри стены? — спросил он.

— Да, — ответила она. — И я знаю, как выбраться.

— А если ты не хочешь выходить?

— Тогда кто-то должен войти.

Он замер. Потом тихо спросил:

— Почему ты не боишься меня?

— Потому что я вижу не сына Лебедева. Я вижу мальчика, который не знает, куда девать свою боль.

Он опустил голову. Пальцы сжались в кулак. Но потом — медленно разжались. И на ладони остался след от ногтя — не как рана, а как якорь.

Вечером Данил всё же решился.

Он подошёл к Льву, когда тот уходил в умывальную. Незаметно проверил карманы пиджака — не из подозрительности, а из инстинкта: «Что ты прячешь?»

Внутренний карман. Маленький конверт. В нём — вырезка из журнала.

Фото: Соня и Алексей на открытии Tide & Stone. Она смеётся, он смотрит на неё — не как на партнёра, а как на дом.

На обороте — надпись карандашом, дрожащими буквами: «Почему им позволено быть счастливыми?»

Данил вернул вырезку. Но сердце сжалось. Не от гнева. От узнавания.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.